

А. В. Репневский, И. В. Репневский

ПРЕССА АРХАНГЕЛЬСКА ПРОТИВ ОЛЕЗУНДСКОЙ КОНЦЕССИИ (20-е годы XX века)

Серьезным и наиболее длительным по времени действия фактором советско-норвежских экономических отношений межвоенного времени оказался договор на право промысла морского зверя в водах Ледовитого океана: на севере — от границ с Финляндией (п-ва Рыбачий) до западных берегов Новой Земли включительно по мыс Желания по всему побережью континента и островов, на юге — по линии мыс Орлов — Канушин Нос¹. Эта обширная территория была предоставлена 11 сентября 1923 года так называемой Олезундской группе судовладельцев (“*Aalesunds Rederiforenings Saelfaugruppe*”). Наиболее ценной частью промысла определялось горло Белого моря, где по весне скапливались огромные массы белуги и нерпы.

Кроме Олезундской концессии, Главным концессионным комитетом *Высшего совета народного хозяйства* (ВСНХ) одними из первых в 1923 и 1924 годах были введены в действие следующие норвежские концессии: лесная концессия группы Прютца, агротехническая концессия доктора Фритьофа Нансена в Балашевском уезде, китобойная концессия акционерного общества «Вега» (сначала называлась «Рыболовная концессия Христиансен») у берегов Камчатки, соглашение с акционерным обществом «Альмен», производившим сплав леса из Северной Финляндии транзитом через нашу территорию в Мурманск, концессия на разведку и добычу золота «Берген и Холтер», акционерное общество «Дубровка», владевшее паровой лесопилкой под Петроградом и обширными лесными угодьями и др.

Однако эти концессии не просуществовали долго и были ликвидированы после 1928 года. В отличие от них Олезундская концессия несколько раз продлялась и действовала вплоть до 1940 года. Даже после окончания Второй мировой войны норвежцы ставили вопрос о ее возобновлении. В 20–30-е годы XX века деятельность норвежцев-олезундцев вызывала споры на разных социальных уровнях — от наркоматов (министерств) до простых архангельских поморов.

Особенно активно против Олезундской концессии в 20-е годы выступала архангельская пресса, представлявшая интересы поморов. Она вместе с Народным комиссариатом земледелия РСФСР (Наркомзем²) несколько лет вела «войну» против Народного комиссариата иностранных дел (Наркоминдела, или НКИД), советского Концессионного комитета, норвежских концессионеров и иностранных добытчиков-браконьеров.

Первая волна выступлений против зверобойной концессии пришлась на 1923 год. В начале 1923 года, когда переговоры о концессии еще не были завершены, журнал «Северное хозяйство»³, издававшийся тогда в Вологде, в заметке редакции под названием «О концессиях на рыбо-звериных промыслах» отмечал, что «промыслы этого вида для значительной части промышленников Поморья являются единственным источником заработка»⁴. Далее в ней высказывалось опасение, что «широкое допущение концессионеров в наши воды создает значительные угрозы существованию промысла». Эти опасения не были пустыми. Дело в том, что до олезундцев действовал договор Наркомата продовольствия с норвежской фирмой «Винге и К°». По договору с этой фирмой от 19 февраля 1923 года 55 ее зверобойных ботов могли с 20 февраля по 15 июня промысливать в советских территориальных водах, включая горло Белого моря. Арендная плата за это право составила 200 тыс. крон. Правда, пока договор был заключен только на один, 1923-й, год.

Журналисты полагали, что с учреждением новой значительно большей по масштабам концессии спешить не надо. Сообщалось, что в 1922 году «для широкого всестороннего изучения вопроса при Губплане создана специальная комиссия». В ее задачи входило:

- а) выяснение значения концессий разного рода на Русском Севере;
- б) установление общих принципов сдачи тех или иных природных богатств Беломорья концессионерам.

Из текста журнальной информации видим, что Плановый комитет огромной Архангельской губернии мыслил концессии преимущественно в форме акционирования иностранного капитала с местными организация-

ми и предприятиями рыбо-звериного промысла. «Материалы по данному вопросу имеют быть представлены в СТО и Главконцеском», — заключал текст заметки⁵.

Между тем, кроме традиционных поморских артелей, морской зверобойный промысел весной 1923 года стал развивать и Архоблгосрыбпром. В зверобойке участвовали 4 судна этой организации: собственное — «Тюлень», арендованное у военных — «Беднота», «Льюсглимт» (Listglimt) и «Нордвест» (Nordvest)⁶. Последние два были паровыми и закуплены в Норвегии перед самым началом сезона боя морского зверя. «Льюсглимт» имел машину в 50 лошадиных сил, грузоподъемность — 53,29 регистровых брутто-тонн и команду из 14 человек. «Нордвест» был значительно мощнее — с машиной в 110 лошадиных сил, вместимостью 115 регистровых брутто-тонн и командой из 16 человек. Архоблгосрыбпром надеялся, что произведенные на закупку судов затраты быстро окупятся на ближайших «зверобойках». Однако 1923 год показал, что со стороны Архангельска в марте–апреле льды были тяжелыми. По этой причине случалось много аварий, от устья Северной Двины до горла Белого моря, где скопился зверь, добраться было почти невозможно. «Промысел у всех поморов был слаб», — сообщала местная пресса⁷. Зато концессионеры действовавшей в том году «Винге и К°» и будущие олезундские концессионеры выдвигались к промысловым районам со стороны теплого Гольфстрима и свободного ото льдов Ледовитого океана. Это предопределяло их успех. Об этом с тревогой сообщалось в очередной заметке пятого номера журнала «Северное хозяйство». В ней сообщалось, что иностранцы, в основном норвежцы, с февраля по 15 июня 1923 года «добыли 120 тыс. штук разного зверя»⁸. Для сравнения скажем, считалось, что рекордная за все предыдущие довоенные годы подсчетов добыча зверобоев составляла 140 тыс. штук зверя.

В следующем, шестом (июльском), номере журнала «Северное хозяйство» были описаны подробности этого успеха норвежцев. Большая аналитическая статья называлась «Результаты промыслов норвежских зверобойных судов в Белом море в зиму 1923 года»⁹.

А в начале следующего, 1924, года в лице новоявленной Олезундской концессии поморы-артельщики и Архоблгосрыбпром увидели куда более сильного конкурента, чем закрытая «Винге и К°». В Белое море с февраля–марта 1924 года норвежцы направились уже не с пятью десятками, а более чем с сотней зверобойных судов.

В период борьбы «за» или «против» заключения Олезундской концессии губернская пресса на примере «Винге и К°» анализировала, насколько экономически обоснованно заключать подобные соглашения.

Перечислим аргументы региональных противников допуска норвежцев в российские воды, а особенно в акваторию Белого моря для боя тюленей, нерп и другого зверя.

1. Поморы опасались конкуренции со стороны норвежцев, причем считалось очевидным, что норвежцы находятся в заведомо более выгодных географических условиях — они уже в феврале шли к горлу Белого моря по чистой воде. Промысел же с русской стороны был возможен только старинным поморским артельным способом, когда к лежбищам охотники подбирались по льду при помощи лодок-волокуш. Этот способ был недостаточно эффективен. Ледоколы Архоблгосрыбпрома, ведшие за собой суда из Архангельска, не всегда могли вовремя пробить тяжелые льды Белого моря, а если и пробивали, то моторами распугивали зверя еще на подходе. Преимущество норвежцев состояло еще и в том, что использование ледоколов было исключительно дорого и резко повышало себестоимость «зверобойки». По данным журнала, советская сторона на Белом море имела в 1923 году максимум 30 судов для промысла морского зверя у кромки льдов. Журналисты предлагали в дальнейшем все эти русские суда сосредоточить в Мурманске, придав им на всякий случай ледокол, чтобы можно было идти к кромке льдов по чистой воде вместе с норвежцами, а не пробираться через льды Белого моря из Архангельска¹⁰.

2. В ряде публикаций отмечалось, что эти 30 судов были оборудованы намного хуже норвежских и соперничать по результативности боя с сотней судов Олезундской компании будут не в состоянии ни числом, ни качеством. Вот что сообщалось в статье последовательного противника концессий — журналиста Ивана Ануфриева. В январском номере журнала «Северное хозяйство» за 1924 год он писал: «Очевидно, что наши русские суда не могут конкурировать со сплоченной армадой норвежцев»¹¹. Далее объяснялись причины этого: а) норвежские суда лучше оборудованы, имеют более усовершенствованные машины, моторы, орудия боя и т. п.; б) норвежские суда снабжаются на более долгий срок, а русские — на короткий, и потому должны возвращаться из рейса на базы Мурмана в разгар охоты. Норвежцы вместе со льдами Белого моря отходили все лето вплоть до берегов о. Колгуев и о. Новая Земля, где продолжали бой зверя до августа, значительно увеличивая свою добычу¹². Он предлагал в самое ближайшее время заняться модернизацией старых и строительством новых зверобойных судов, оборудованных на уровне норвежских¹³.

3. Кроме того, региональная пресса полагала, что московские власти, заключая договор еще с «Винге и К^о», сильно продешевили. Было известно,

что в 1923 году «норвежцами за право промысла в русских водах заплачено 200 тыс. норвежских крон». Журнал «Северное хозяйство» подсчитал, что это всего 1,66 кроны за каждого убитого в 1923 году морского зверя. Стоимость тюленей шкуры того времени составляла 8 крон. Кроме того, каждый тюлень давал примерно 16 кг (пуд) жира, стоимость которого составляла еще 12 крон. По подсчетам журнала получалось, что каждый тюлень давал 20 крон валового дохода. Общая цифра дохода составила 2 млн 400 тыс. норвежских крон. За вычетом всех расходов на промысел чистая прибыль норвежцев должна была составить около 870 тыс. крон. Чистый доход на каждое норвежское промысловое судно составил в 1923 году 12 тыс. крон, или 6 тыс. рублей¹⁴. В то время это была значительная сумма. Журнал считал, что плата за право промысла очевидно недостаточна¹⁵ и что лучше было бы организовать собственный промысел в своих водах и дать заработать поморам и государственным организациям.

4. Архангелогородцы уже тогда полагали, что ежегодный интенсивный бой зверя сразу двумя сторонами — концессией и отечественными охотниками — быстро истощит ресурсы Беломорья и оставит поморов без традиционных средств к существованию. По подсчетам журналистов, в ближайшее время вследствие истощения ресурсов до 20 тыс. поморов могли лишиться трети своего годового дохода (около 400 тыс. рублей в то время)¹⁶.

5. Поморы опасались, что норвежские «армады» в ближайшем будущем могут распугать и в значительной степени истребить стада тюленей на традиционных русских местах промысла — от Шпицбергена (Груманта) до Новой Земли и в акватории Белого моря. В доказательство приводились следующие выкладки. Появление концессии «Винге и К^о» резко ухудшило условия промысловой деятельности поморов. В статье Ануфриева приводились сравнительные таблицы, показывавшие добычу поморов до появления концессии (в 1922 году) и после (в 1923 году). Получалось, что на месте арендуемой норвежцами территории Белого моря в 1922 году поморами на семи судах было добыто 9145 штук морского зверя общим весом 13 488 пудов, а в 1923 году девятью судами — только 2638 штук суммарным весом 3739 пудов, то есть в 3,6 раза меньше¹⁷. Остальное досталось норвежцам. (Сразу скажем, что данные за один год выглядели неубедительно и могли зависеть исключительно от условий погоды.)

6. Был и еще один аргумент. Поморы предупреждали, что с прекращением боя морского зверя государство в течение одного поколения потеряет множество опытных моряков, услуги которых так необходимы в мирное и военное время¹⁸.

Совет труда и обороны (СТО), Главный концессионный комитет (Главконцеском) и Наркомат иностранных дел в 1923 году считали, что политические выгоды борьбы за быстрое дипломатическое признание СССР Западом и Норвегией, в частности, перевешивают экономические и экологические интересы жителей одного беломорского побережья. Поэтому летом 1923 года переговоры советского правительства с Олезундской группой судовладельцев шли к благополучному завершению. Одновременно Главконцеском пытался убедить поморов в необходимости концессии и выдвигал собственные контраргументы, которые тоже через прессу доводились до сознания населения Архангельского Севера.

Главным аргументом стало справедливое утверждение, что советское правительство не имело в те годы финансовой и физической возможности остановить массовое браконьерство иностранцев в северных территориальных водах. У него на Беломорье и вдоль Мурманского берега не было достаточного числа военных судов для эффективного патрулирования протяженных прибрежных территорий. Единственным выходом, позволяющим существенно ограничить, контролировать браконьерство, было его узаконение в форме концессии. В этом случае сами концессионеры были заинтересованы в недопущении в их зону браконьеров. Деятельность же организованной группы концессионных судов России было легче контролировать. Дело в том, что каждое концессионное судно обязано было иметь специальный сертификат — допуск в зону боя зверя. На одном из судов концессионной группы обязательно должны были находиться наблюдатели от России.

Еще одним доводом «за» концессию стало то, что страна в качестве платы получала так необходимую ей валюту, причем не в кронах, а в долларах.

Кроме того, пресса сообщала, что «у Норвежского правительства будет меньше аргументов оспаривать и протестовать в случае захвата судов, самовольно производящих промыслы в русских территориальных водах»¹⁹.

В декабре 1923 года журнал «Северное хозяйство» вернулся к теме концессий на бой морского зверя. На этот раз для перепечатки был взят официальный материал из «Известий ВЦИК». В нем разъяснялось, что срок концессии, предоставленной «Винге и К^о», истек и договор с ней возобновляться не будет. Вместо нее в том же районе и на схожих условиях уже утверждена и начинала действовать Олезундская группа судовладельцев, состоявшая из многих мелких тюленепромышленников. Тем самым преследовались как классовые, так и политические интересы.

Во-первых, ведя переговоры напрямую с представителями рядовых промышленников Норвегии и предоставляя им право бить зверя, СССР проявлял солидарность с пролетариями этой страны, поддерживая их материально. Классовые соображения стали причиной отказа продлить концессию для «Винге и К^о». В 1923 году было отказано в организации зверобойных промыслов и другому норвежскому капиталисту — некому гражданину Левину²⁰.

Во-вторых, заключением выгодного для большой группы норвежских зверобоев соглашения Наркомат иностранных дел и Торгпредство СССР в Христиании обеспечивали усиление общественного мнения Норвегии в пользу готовящегося дипломатического признания СССР. Такое признание состоялось 15 февраля 1924 года буквально в самом начале первого концессионного сезона.

Представители Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) доказывали, что условия новой концессии намного выгоднее для Советской России и поморов, чем это было в случае с «Винге и К^о». Новизна условий заключалась в следующем:

1) договор изменял расчет оплаты. Предусматривалась плата в 10 долларов с каждой тонны занимавшегося промыслом судна, причем общая сумма, которую Олезундский союз должен заплатить советскому правительству, не могла быть ниже 40 тыс. долларов. (При этом общее количество промысловых судов не ограничивалось, и перспектива появления неисчислимой «армады» норвежских зверобоев только усилила беспокойство поморов.);

2) промышленники должны были оборудовать каюты для проживания трех российских ученых, проводивших в течение всего периода боя зверя научные исследования по ихтиологии;

3) олезундцы обязывались предоставлять на проверку уполномоченным документы и судовые журналы в территориальных водах СССР, допускать их до осмотра судов²¹;

4) в материалах «Известий ВЦИК» специально указывалось, что Главконцеском учел интересы Беломорских промысловиков и отклонил настойчивые просьбы норвежцев разрешить им бить зверя южнее линии Орловский маяк — мыс Канушин²².

Предварительный этап дискуссий о морских концессиях в территориальных водах СССР на Русском Севере был завершен девятистраничной статьей наиболее убедительного противника концессий Ануфриева. Его статья была опубликована в первом (январском) номере журнала «Север-

ное хозяйство» за 1924 год и принципиально ничего изменить не могла. Договор об Олезундской концессии уже был ратифицирован Советом народных комиссаров, и с февраля–марта 1924 года открылся первый сезон ее деятельности.

Вторая волна протестов последовала уже после изучения результатов первого сезона действия Олезундской концессии — сезона 1924 года. Активизация противников Олезундской концессии была связана и с ходом переговоров, превращавших временный торговый договор двух стран 1921 года в постоянный. В новом договоре, рассчитанном на три года с возможностью последующего его продления, должна была содержаться специальная статья, гарантирующая концессионные права норвежских зверобоев на весь период действия торгового договора СССР и Норвежского королевства. Этой жесткой привязки торгового соглашения с концессионными правами норвежцев поморы стремились не допустить.

В соответствии с договором была создана группа (комиссия) советских ученых, ходившая на «зверобойку» на одном из норвежских судов. По мнению ее руководителя — исследователя-консультанта профессора зоологии Нестора Александровича Смирнова²³ (см. фото), деятельность Олезундской концессии с самого начала наносила Беломорью серьезный экологический ущерб. По его подсчетам, «добыто беломорского зверя в этом (1924. — А. Р., И. Р.) году <...> с округлением: концессионерами 200 тыс. шт. На 700 тыс. долларов.

Другими судами — минимум 50 тыс. шт. на 175 тыс. долларов». Профессор полагал, что в 1924 году «промысел беломорского зверя был слишком интенсивным»²⁴. Он пишет в докладной записке: «А всего концессионеров (большинство) и посторонних (меньшинство) норвежских судов по границе государственных вод 19–22 апреля было столько, что ни один зверь не мог бы пройти незамеченным между меридианами Св. Носа — Канина Носа <...> Шторм, однако, позволил значительным партиям зверя выйти в океан невредимо»²⁵. Этот шторм надолго остался в воспоминаниях мореходов. Пресса Архангельска сообщала, что это был мощный «предпасхальный пятисуточный шторм», во время которого Севгосрыбтрест потерял 2 судна, а норвежские зверобои — 26 судов²⁶. Правда, по данным архангельской газеты «Волна», было разбито штормом и затонуло всего 10 норвежских судов. Большинству норвежских матросов удалось спастись или укрыться на

маяке Орловский²⁷. Все же и таких жертв региональная история, пожалуй, не знала. Всего же, по подсчетам комиссии профессора Н. А. Смирнова, в Белом море в тот сезон промыслили 113 норвежских судов. Из них только 91 судно концессионное, остальные 22 — браконьеры, общей грузоподъемностью 3960 регистровых тонн. Это означало, что Олезундская концессия не выполняла отведенной ей функции «предохранителя» браконьерства. Наоборот, браконьеры промыслили под ее прикрытием.

По оценке профессора, зверобойная концессия и в экономическом отношении была выгодна Норвегии, а интересы России ущемляла. Южные границы концессии в горле Белого моря норвежцами соблюдались плохо. За судами концессионеров вели надзор два советских военных судна, но они не были приспособлены к плаванию во льдах и с задачей контроля явно не справились. Наркомзем полностью поддерживал оценки комиссии Н. А. Смирнова. Деятельность Олезундской концессии в Наркомземе неоднократно называли «разбоем». Официальные данные этого комиссариата вполне корреспондировали с научными наблюдениями профессора Смирнова. Эти данные приведены в таблице²⁸.

Добыча морского зверя Олезундской концессией в первый период ее деятельности

Годы	Добыча морского зверя (в шт.)	Валовая реальная стоимость (в руб.)	Коммиссионные (в долл. США)	Коммиссионные (в руб.; курс: 1 — 1,95)	Процент платы к стоимости добычи
1923	120 000	1 260 000	20 000	39 000	3,1 %
1924	200 000	2 100 000	40 000	78 000	3,7 %
1925	273 000	1 579 500	25 774	50 259	3,2 %
1926	130 000	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Всего:	723 000				

В сложившейся ситуации, когда закрыть концессию уже было невозможно по политическим и юридическим соображениям, предложения комиссии профессора Смирнова сводились к следующему:

1) явно заниженной она сочла концессионную плату, составлявшую всего 5,7–5,8 % валовой стоимости добытого зверя²⁹, и рекомендовала довести ее до 10 %;

2) комиссия требовала усилить контроль за норвежской зверобойной компанией при участии военных судов³⁰;

- 3) допускать убой зверя не свыше 250 тыс. голов за сезон;
- 4) сократить сроки промысла норвежских концессионеров.

Требования ученых не были учтены. В 1924 году пересмотра условий концессионной деятельности не было. В следующем, 1925-м, году не было больших штормов, и год стал рекордным по добыче для Олезундской концессии. Ее суда «упромышили» 273 тыс. голов, или 2 млн 400 тыс. кг морского зверя. Это более 1 млн рублей (золотом). Это заставило комиссию Севкрайкомвода в Архангельске сделать еще более резкие выводы. Ее постановление гласило: «Промысел норвежцев запретить»³¹. Немалую роль в принятии такого решения сыграл специальный доклад капитана Ивана Ануфриева, ранее постоянно писавшего в периодических изданиях краевой прессы о вреде концессии. И. Ануфриев убеждал поморов в хищничестве норвежцев и несоблюдении правил боя зверя, что, по его мнению, должно было привести к уходу зверя с привычных лежбищ на 10–15 лет и подрыву всего отечественного беломорского промысла. Другое дело, что постановления Северкрайкомвода не имели ни для правительства СССР, ни для норвежцев никакой юридической силы.

СНК, Главконцеском и НКИД считали эту и другие концессии важной формой прорыва экономической блокады СССР и источником необходимой стране валюты. Этим объясняются значительные уступки норвежцам, сделанные в ходе подготовки постоянного торгового договора. В ходе переговоров норвежцы потребовали предоставить концессионерам право убоя до 400 тыс. зверя на период с 1 марта по 15 июня ежегодно. За предоставление этих прав они готовы были заплатить не свыше 6 долларов с тонны. И обещали воздержаться от охоты к югу от линии Орлов маяк — мыс Канушин. Это прямо противоречило выводам комиссии Н. А. Смирнова. Правда, сначала, опираясь на данные Наркомзема, НКИД сопротивлялся этим требованиям норвежцев, были споры и в СНК, но потом по политическим соображениям почти все норвежские условия были приняты, дабы не срывать подписание договора. 15 декабря 1925 года Договор между СССР и Норвегией о торговле и мореплавании был подписан. В специальной ноте, сопроводившей его, заместитель наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинов разъяснил, что условия зверобойной концессии будут действовать весь период существования торгового договора.

В начале 1926 года хозяйственным органам СССР все же удалось организовать переговоры о частичном пересмотре крайне невыгодных для беломорского региона условий концессии. Это было сделано посредством создания смешанной Совестко-норвежской комиссии по урегулированию

зверобойного промысла. Пресса Архангельского Севера в это время развернула мощную пропагандистскую антиконцессионную кампанию. Норвежцы обвинялись в том, что, на словах согласившись создать комиссию, на деле тормозят ее работу, искажают факты и статистику боя зверя³². Частичный пересмотр условий все же был произведен. 26 апреля 1926 года подписан измененный концессионный контракт, предусматривавший перерегистрацию Олезундской компании и регулярную работу смешанной комиссии, главной заботой которой признавалась выработка научных рекомендаций для сохранения популяции морского зверя. Это давало возможность советской стороне (Главконцескому, Наркомзему, а через него и поморам) оказывать постоянное давление на олезундцев. На последовавших ежегодных заседаниях паритетной комиссии представителей Олезундской концессии и Главконцескома вопрос о сокращении квот добычи всегда был главной темой споров отечественных экологов и норвежцев³³. По оценкам советской части комиссии, к 1927 году в Белом море по вине норвежских промышленников было уничтожено 33 % мелкого морского зверя (нерпа, морской заяц, белуха) и 67 % крупного (тюлень, морж). Переместились и традиционные лежки тюленей. Возникла опасность невосполнимого уничтожения поголовья морского зверя. Не стесняясь в выражениях, архангельская пресса обвиняла норвежскую сторону в прямой статистической дезинформации, которая мешает установить точные цифры потерь.

Третья и последняя волна «поморского сопротивления» деятельности олезундцев пришлась на 1927–1928 годы. В 1927 году противникам олезундцев в Архангельском крае придала сил наметившееся политика СССР на свертывание концессий вообще и предстоящее в 1928 году окончание трехлетнего срока действия торгового договора 1925 года. Развив к концу 20-х годов собственный зверобойный флот, успешно применив для разведки лежбищ морского зверя авиацию, а для доставки туш — ледоколы, Россия сравнялась с норвежцами по количеству добытого зверя. После этого советские промысловые организации и курировавший их деятельность Народный комиссариат земледелия РСФСР стали требовать полной ликвидации концессии³⁴. За сохранение концессии 2 июля 1928 года решительно высказалась полпред А. М. Коллонтай, а за ней и коллегия НКВД. Они неустанно указывали на то, что эта концессия по условиям соглашения не может быть закрыта ранее, чем прекратится действие Договора о торговле и мореплавании от 25 декабря 1925 года. А. М. Коллонтай, полномочный представитель СССР в Норвегии, в апреле 1928 года была явно обеспокоена возможным требованием Норвегии пересмотреть торговый договор

1925 года, если советская сторона поставит вопрос о дальнейшей судьбе Олезундской концессии. В письме М. М. Литвинову от 13 апреля 1928 года она цитирует слова премьер-министра Норвегии Мувинкеля о том, что концессионеры и так несут «громадные убытки», имеют потери от стихийных бедствий и, как следствие, платят высокие страховки³⁵. Она желала сохранить договор в неприкосновенности, а значит, сохранить и концессию.

На международной арене тех лет СССР пытался обеспечить безопасность своих границ заключением двусторонних пактов о ненападении. Сложные переговоры по этому поводу в 1928 году велись и с Норвегией. Кроме того, с 1927 года в стортинге и правительстве Норвегии с подачи А. М. Коллонтай шли переговоры о предоставлении крупных, гарантированных государством кредитов для развития металлургического норвежского экспорта в СССР. В связи с этим Коллонтай считала вопросы Олезундской концессии второстепенными и не желала раздражать норвежцев требованиями ее пересмотра или закрытия. В итоге денонсация договора в 1928 году была признана правительством Союза ССР нежелательной по политическим соображениям, и он был автоматически продлен³⁶.

После этого дискуссия в печати сошла на нет. С конца 1927 года статьи, кающиеся зверобойного промысла Норвегии в водах советского Севера, почти исчезают. Время от времени появляются лишь стандартные информационные сообщения о гибели или спасении норвежских зверобойных судов. Приведем конкретный пример. Если в журнале «Северное хозяйство» за 1922–1929 годы мы находим 41 материал, посвященный зверобойным концессиям, то в журнале «Хозяйство Севера», сменившем первый, за период 1929–1936 годов таковых только 4, да и они малоинтересны. Вообще все статьи о взаимоотношениях с Норвегией в 1930-е годы уходят с первых страниц на последние. Все чаще это сухие информационные строки ТАСС. С начала 30-х годов высказывать собственное мнение, отличное от установок Кремля, становится опасным, а потом и вовсе невозможным. Так завершились горячие дискуссии в краевой прессе, хотя это не означало, что проблема решена, так как Олезундская концессия безупречно действовала до 1940 года.

С начала 30-х годов основные споры с Олезундской компанией переместились в сферу пресечения браконьерства ее судов вне отведенной зоны концессии. Этим в основном занималось Советское государство. Оно же и прекратило деятельность концессии. 12 сентября 1939 года. Москва специальной нотой поставила в известность норвежскую миссию о том, что «в силу условий международной обстановки и необходимости обеспечить границы СССР устанавливается запретная зона в горле Белого моря»³⁷.

Основания у Москвы для этого имелись, хотя они и не были направлены против норвежцев.

С точки зрения историков, основной вопрос заключается в степени оправданности экономических уступок норвежским концессионерам и связанных с этим экономических и экологических потерь Архангельского Севера ради вывода всей страны из политической и экономической изоляции. Не всегда он может быть решен однозначно.

Важно отметить и тот факт, что в 1920-е годы (в противовес 30-м) местные власти и местная пресса смело и настойчиво спорили с центральными органами СССР, когда считали действия последних необоснованными. Борьба вокруг организации концессии и деятельности олезунцев прекрасно это иллюстрирует.

***

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0116. Оп. 26. Д. 8. Л. 5. См. также: *Овсянкин Е. И.* О роли тюленей в политике // Архангельск. Архангельск, 1996. 2 авг.

² Наркомзем РСФСР существовал с 1917 по 1929 год. С 1929 года создан Наркомзем СССР.

³ Под этим названием журнал издавался в 1922–1929 годах. С 1929 по 1936 год он назывался «Хозяйство Севера».

⁴ О концессиях на рыбо-звериных промыслах // Северное хозяйство. 1923. № 5. С. 96.

⁵ Там же.

⁶ Промыслы // Северное хозяйство. 1923. № 3. С. 116; № 5. С. 107.

⁷ Там же. № 5. С. 107.

⁸ Удачные промыслы иностранцев // Северное хозяйство. 1923. № 5. С. 108.

⁹ *Н. П.* Результаты промыслов норвежских зверобойных судов в Белом море в зиму 1923 года // Северное хозяйство. 1923. № 6. С. 22–24.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 85.

¹² Там же. С. 86.

¹³ Там же.

¹⁴ *Ануфриев И.* Зверобойные промыслы Севера и концессии норвежцам // Северное хозяйство. 1924. № 1. С. 84.

¹⁵ *Н. П.* Указ. соч. С. 23.

¹⁶ *Ануфриев И.* Указ. соч. С. 86–87.

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ Там же. С. 86–87.

¹⁹ *Н. П.* Указ. соч. С. 23.

²⁰ Концессии // Северное хозяйство. 1923. № 6. С. 99.

²¹ Концессия на зверобойный промысел // Северное хозяйство. 1923. № 9. С. 88.

²² Там же.

²³ Смирнов Нестор Александрович (11 (23).12.1878, Омск, — март 1942 года, Вологда). Внучатый племянник Д. М. Менделеева. Известный советский зоолог и ихтиолог. В 1900 году окончил Петербургский университет. Профессор Азербайджанского (1920–1923) и Ленинградского (1930–1938) университетов. С 1900 года участвовал в исследованиях на Белом, Баренцевом, Каспийском, Черном и дальневосточных морях. Основными направлениями исследований Смирнова были вопросы систематики, экологии, географического распространения и промысла морских млекопитающих. Он составил определители ластоногих и китообразных фауны СССР, известны также его работы о делении рыб на биологические группы, работы о птицах, наземных млекопитающих Кавказа и Закавказья. Имя «проф. Нестор Смирнов» носило научное судно, приписанное к Мурманскому порту, и с 1928 года — мыс (Нестора Смирнова) в заливе Неупокоева, на восточном побережье северного острова Новой Земли.

²⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 30. Д. 50. Л. 13 об.

²⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 30. Д. 50. Л. 13.

²⁶ Информация. Звериный промысел // Северное хозяйство. 1924. № 7. С. 105.

²⁷ Подробности шторма в Белом море // Штурвал (приложение к газете «Волна»). 1924. № 7. 25 мая

²⁸ Составлено автором по материалам книги: *Махоткин Г. Д.* Морской зверобойный промысел Севера РСФСР. М., 1929. С. 17 и др.

²⁹ Там же.

См. также: *Репневский И. А.* Беломорский зверобойный промысел в русско-норвежских отношениях первой половины 20-х годов // Слово о людях и земле поморской: сб. ст. и тез. / под ред. А. В. Репневского. Архангельск, 1995. Вып. 2. С. 120–124.

³⁰ *Репневский И. А.* Указ. соч. С. 120–122.

³¹ *Марцинкевич П.* Зверобойные промыслы — наше богатство // Волна. 1925. № 150. 9 июля. С. 3.

³² От редакции. Переговоры СССР и Норвегии о ловле тюленей // Волна. 1926. № 252. 2 нояб.

³³ АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 111. Д. 212. Л. 4, 7–7 об.

См. также: Историко-внешнеэкономическое управление Министерства внешнеторговых связей РФ. Ф. Торгпредство. Оп. 12136. Д. 72. Л. 1–136. (Дело состоит из протоколов Советско-норвежской паритетной комиссии.)

³⁴ АВП РФ. Ф. 0116. П. 111. Д. 212. Л. 51, 105–105 об., 122–122 об.

³⁵ Док. № 113. Советско-норвежские отношения. 1917–1955: сб. док. / Под ред. А. О. Чубарьян, У. Ристе и др. М., 1997. С. 160–161.

³⁶ АВП РФ. Ф. 0116. П. 111. Д. 212. Л. 87, 94, 99, 120.

³⁷ АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 23. Д. 6. Л. 23.